

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.21

Правильная ссылка на статью:

Каменщиков П. П. Судебный минимум: преступления ненависти против ЛГБТ глазами российского суда. Рец. на кн.: Кондаков А. Преступления на почве ненависти против ЛГБТ в России. СПб. : Центр независимых социологических исследований, 2017. // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 426—434. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.21>.

For citation:

Kamenshchikov P. P. (2018) Judicial Minimum: Hate Crime against LGBT in Russian Court's Eyes Book Review: Kondakov A. (2017) Hate Crime against LGBT in Russia. St. Petersburg: Centre for Independent Social Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 426—434. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.21>.

П. П. Каменщиков

СУДЕБНЫЙ МИНИМУМ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЛГБТ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО СУДА РЕЦ. НА КН.: КОНДАКОВ А. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЛГБТ В РОССИИ. СПБ. : ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 2017

СУДЕБНЫЙ МИНИМУМ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЛГБТ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО СУДА РЕЦ. НА КН.: КОНДАКОВ А. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЛГБТ В РОССИИ. СПБ. : ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 2017.

JUDICIAL MINIMUM: HATE CRIME AGAINST LGBT IN RUSSIAN COURT'S EYES BOOK REVIEW: KONDAKOV A. (2017) HATE CRIME AGAINST LGBT IN RUSSIA. ST. PETERSBURG: CENTRE FOR INDEPENDENT SOCIAL RESEARCH

КАМЕНЩИКОВ Павел Петрович — студент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,

E-MAIL: pavelkamensikov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Pavel P. KAMENSCHIKOV¹ — Undergraduate Student

E-MAIL: pavelkamensikov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Как и другие формы сексуальности, отличные от гетеросексуальной, гомосексуальность на протяжении многих веков подвергалась и по-прежнему подвергается властному регулированию, поддерживая гетеронормативный общественный порядок как оппозиция гетеросексуальности. Говорить о равнозначности регулирования сексуальности, скажем, в XVIII веке и сегодня не приходится, однако даже в западных демократиях XXI века существуют проблемы, связанные с гетеросексизмом¹ — впрочем, конечно, находящиеся на принципиально ином уровне. Эволюция отношения к гомосексуальности и нынешнее положение ЛГБТ-сообщества в Западной Европе и США может послужить примером формирования инклюзивных обществ, где разрешены однополые браки или союзы и т. д.

С другой стороны, инклюзивное общество — скорее исключение, нежели глобальная тенденция. Например, в нескольких странах мира гомосексуальность до сих пор является уголовно наказуемой, вплоть до смертной казни. Российское общество в этом смысле является скорее эксклюзивным, то есть исключаящим негетеросексуалов из гражданства, что подтверждается, например, принятым в 2013 году законом о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений»², констатирующим социальную неравноценность «традиционных» и «нетрадиционных» сексуальных отношений. Секс в его гетеронормативной логике интерпретирован «единственно верным» способом: нормален только тот секс, результатом которого является рождение ребёнка.

Таким образом, несмотря на декриминализованность гомосексуальных отношений в России, негетеросексуальные идентичности посредством запрета «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» и дискурса вокруг него по сути становятся маргинализованными и в определенном смысле выходят за рамки закона. В данном контексте исследования, касающиеся насилия в отношении ЛГБТ, представляют особый интерес с точки зрения последствий принятия дискриминационных нормативно-правовых актов.

Название рецензируемой работы говорит само за себя, выдает ее замысел. Отчет социолога права Александра Кондакова и коллег, выпущенный Центром независимых социологических исследований при поддержке Фонда Розы Люксембург, посвящен подсчёту преступлений на почве ненависти против ЛГБТ за период с 2010 по 2015 годы [см. также: Шторн, 2018]. Для этого были использованы находящиеся в открытом доступе соответствующие судебные решения по насилию в отношении гомосексуалов — причем последние были выделены в соответствии с концептуализированным понятием преступления ненависти как «нарушения нормы права, предполагающего связь между совершением преступного поступка и предрасудками против заведомо непривилегированных групп, к которым правонарушители (реально или по ошибке) относят выбранную ими жертву» (С. 23).

¹ Имеется в виду система взглядов и убеждений, предполагающая гетеросексуальность в качестве единственной нормальной формы человеческой сексуальности. Гетеросексизм зачастую может вести к дискриминации на основании сексуальной ориентации человека. Подробнее см. [Jung, Smith, 1993].

² Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Российская газета. 2013. 2 июля. URL: <https://rg.ru/2013/06/30/deti-site-dok.html> (дата обращения: 12.12.2018).

То, как определять преступление на почве ненависти, — дискуссионный вопрос, ведь от конечного термина зависит включение или невключение того или иного кейса в список правонарушений, связанных с предрассудками в отношении непривилегированных социальных групп. К примеру, как отмечают авторы, речи ненависти не везде караются законом, хотя в России наказание за это предусматривается в соответствии с п. 1 ст. 282 УК РФ³. Тем не менее, принадлежность к ЛГБТ там не определена как признак отношения к социальной группе, что формально и затрудняло отнесение высказываний ненависти к ЛГБТ к действиям, направленным на «возбуждение ненависти либо вражды». Всё это было актуально до подтверждения Конституционным Судом РФ конституционности запрета «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», где ЛГБТ фактически были признаны социальной группой: «Данный конституционный принцип [равенства всех перед законом и судом — П.К.], предполагающий в том числе недопустимость ограничения в правах и свободах либо установления каких-либо преимуществ в зависимости от принадлежности к тем или иным социальным группам, под которыми могут пониматься и группы лиц с определенной сексуальной ориентацией <...>»⁴.

В этом смысле речи ненависти в отношении ЛГБТ (и, кстати, сама формулировка поправки, говорящая о «неравноценности» «традиционных» и «нетрадиционных» отношений) могут быть расценены как действия, направленные на возбуждение вражды, и должны квалифицироваться как преступления. Однако несмотря на формально существующие «правила», правоприменительная практика совсем иная: фактическое возбуждение ненависти против ЛГБТ никогда не карается судом.

Именно поэтому для подсчёта «официального» (имеются в виду государственные данные в открытом доступе) уровня преступлений ненависти против ЛГБТ А. Кондаковым и его коллегами был сделан выбор в пользу использования судебных решений, которые, конечно, не отражают всего спектра совершаемых преступлений. Сам исследователь как раз с точки зрения указанных выше ограничений называет выбранную стратегию «консервативной»: «полагаемся на мнение суда, который, в этом случае, как и в других подобных, признал вину подсудимого доказанной и назначил пусть небольшое, но существенное наказание» (С. 56).

С одной стороны, это сильно упрощенное восприятие насилия (ведь, как показали и результаты исследования, артикулированная в речи ненависть порождает такую же на физическом уровне). С другой — подобная исследовательская стратегия более соответствует правовой реальности современной России, где де-факто возбуждение вражды против ЛГБТ часто оказывается легитимным и даже социально одобряемым. Такое соответствие позволяет зафиксировать

³ Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ (дата обращения: 12.12.2018).

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. N 24-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Российская газета. 2014. 3 октября. URL: <https://rg.ru/2014/10/03/sud-dok.html> (дата обращения: 12.12.2018).

минимальный уровень преступлений на почве ненависти к ЛГБТ исходя из официальных документов.

Если в целом говорить о части, предваряющей непосредственный анализ базы данных, то стоит выделить следующие тезисы автора:

Тезис первый. Всего есть три модели законотворчества, затрагивающих преступления ненависти: «(а) совершенствование существующих норм права через расширение текстов законов, с тем чтобы включить мотив ненависти; (б) указание на мотив ненависти в качестве отягчающего обстоятельства; (в) применение особых статей уголовного права, в которых ненависть определяется как преступление сама по себе» (С. 8).

Тезис второй. Российская бюрократия, не ведя статистику преступлений ненависти, формально создаёт идеалистическую ситуацию отсутствия проблемы ради сокрытия факта существования таких преступлений и подавления дискуссий вокруг них, что, в свою очередь, упрощает работу правоохранительных органов.

Тезис третий. Среди причин, толкающих людей на совершение преступлений ненависти, можно назвать следующие. Во-первых, социализация внутри сообществ, где «насилие и ненависть приветствуются как норма поведения» (С. 29). Например, доказательство мужчинами собственной мужественности в тюремной среде с помощью выражения крайней неприязни к гомосексуалам. Во-вторых, желание совершить преступление для получения новых эмоций. Зачастую из-за отсутствия других мотивов жертва выбирается на основе предрассудков правонарушителя. В-третьих, «возникновение чувства депривации» (С. 30) из-за потери привилегированного статуса по мере установления равноправия между разными социальными группами. В-четвертых, следование принципам ненавистнической идеологии (например, неонацизма). При этом ненавистнические группировки могут выбирать самых разных жертв преступления, необязательно будучи мотивированы ненавистью только к одной группе людей. В рамках одной ненавистнической организации нежелательными элементами общества могут считаться как мигранты, так и гомосексуалы.

Тезис четвертый. При всем описанном выше, преступления на почве ненависти — часть системы угнетения, которая воспроизводится, в частности, с помощью использования риторики ненависти в СМИ и политике.

Здесь стоит остановиться на последних трёх пунктах, так как, на мой взгляд, в работе уделено не так много внимания причинам отсутствия ведения статистики преступлений ненависти. Автор обсуждаемого отчета А. Кондаков известен исследовательскими разработками в области теории сексуального гражданства [Кондаков, 2012; Kondakov, 2014], и в этом смысле несколько странно, что он не подошел к вопросу отсутствия статистики преступлений ненависти в России именно с этой точки зрения. Безусловно, имеет место и банальное занижение преступлений ненависти для улучшения показателей эффективности законодательства и функционирования полиции. Однако это лишь характеристика российского правоприменения в целом, тогда как отношение к преступлениям на почве ненависти обуславливается не только «частными» факторами, но и самой системой угнетения, как и отмечено автором. И эта система угнетения гетеронормативна.

Гетеронормативность общественного устройства «вытесняет» людей, не соответствующих условным «стандартам» (геи, лесбиянки, бисексуалы, трансгендеры,

интерсексуалы и проч.), из публичного пространства в приватное, таким образом создавая гомосексуальный «чулан», где «любое столкновение с новыми людьми, будь то одноклассники, тем более новый начальник, социальный работник, банковский клерк, домовладелец, врач, создает вокруг него непроницаемый колпак, тяжесть которого, а также его оптические и физические свойства требуют... новой предусмотрительности, новых расчетов, новых усилий и действий для соблюдения секретности...» [Сэдджвик, 2002: 75—76]. Открытые современностью идентичности воспринимаются гетеросексуальной гегемонией как угроза разрушения существующего порядка. Отказ маргинализованных субъектов от следования гетеросексуальной модели поведения, их «опубличивание» в некотором смысле действительно подвергают опасности статус-кво. Выход негетеросексуалов, нецисгендеров и т. д. в публичное пространство обуславливает ослабление культурного и социально-политического гегемона — «белого гетеросексуального мужчины-христианина», как называют его авторы рецензируемой работы (С. 30). Последнее выражается в установлении действительной социальной справедливости, когда разные идентичности — как ранее маргинальные, так и наиболее конвенциональные (привилегированные) — защищены законом в равной степени и имеют одинаковые права.

Россия, где на государственном уровне ЛГБТ признаются социально неравными гетеросексуалам⁵, является примером патриархатной системы, осуществляющей эксклюзию негетеросексуалов из пространства гражданственности. В этом смысле отсутствие ведения правоохранительными органами статистики количества преступлений на почве ненависти представляется не только банальным нежеланием осуществлять «лишнюю» работу, но и системным противодействием гегемонии негетеросексуальным идентичностям, выраженном в историях человеческого насилия, дискриминации.

Как результат, бюрократическая культура, будучи продуктом государства, также является частью гетеросексуальной гегемонии, которая, в свою очередь, обуславливает системный характер преступлений ненависти, совершаемых по тем или иным конкретным причинам. Не ведя официальной статистики преступлений ненависти, не пытаясь решать эту проблему и по сути замалчивая ее, государственные органы, таким образом, лишь провоцируют преступления: отсутствует не то что тенденция к сдерживанию агрессии — наоборот, с помощью уже упомянутого федерального закона против «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» условный «враг» все отчетливее обретает свои очертания в глазах общественности.

Говоря о стилистике текста работы А. Кондакова и коллег, можно помыслить, почему отсутствие ведения статистики преступлений на почве ненависти не объясняется с помощью использованного выше понятийного аппарата. Форма отчета предполагает ориентацию на практичность (а значит и на относительную простоту изложения) и перегрузка его наработками социальной теории и политико-философскими концептами может лишь помешать исполнению данной задачи. Потому

⁵ Федеральный закон от 29 июня 2013 г. N 135-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Российская газета. 2013. 2 июля. URL: <https://rg.ru/2013/06/30/deti-site-dok.html> (дата обращения: 12.12.2018).

можно сказать, что некоторое упрощение объяснения отказа государственных органов от ведения статистики преступлений ненависти в контексте данной работы обосновано, однако взаимосвязь бюрократической культуры, преступлений ненависти и гетеронормативного сексуального гражданства всё же важна.

Обращая внимание непосредственно на судебные дела, используемые в обсуждаемой работе, стоит остановиться и на такой категории, как «гомосоциальный конфликт». Его суть заключается в следующем: когда «речь заходит о гомосексуальности или кто-то называет одного из присутствующих “пидором”», это «приводит к обидам, утолить которые, по мнению обвиняемого, может только пролитая кровь» (С. 46). Соответственно, гомофобия здесь проявляется как страх перед возможностью быть воспринятым как гомосексуал. Интересно, что решения о подобных конфликтах составляют большинство (579 из 1095) решений судов первой инстанции, являющихся основой базы данных исследования А. Кондакова и коллег. В этом контексте преступления в рамках «гомосоциальных конфликтов» доказывают, что от гомофобии страдают не только гомосексуалы (хотя, конечно же, преимущественно именно они), но и гетеросексуалы, которые по тем или иным причинам ассоциируются с сексуальным меньшинством.

Из всех собранных судебных решений анализу были подвергнуты лишь 267, так как именно они, по мнению авторов, связаны с преступлениями на почве ненависти к ЛГБТ. Другие же решения не были обработаны научными методами⁶. При всем этом стоит учитывать, что указанное число едва ли отражает реальный уровень насилия по отношению к ЛГБТ — как из-за того, что многие случаи насилия банально не доходят до суда, так и из-за нежелания судей принимать во внимание сексуальную ориентацию жертвы или неумения говорить о сексуальности. Так, даже в отобранных 267 судебных решениях видно отсутствие у судей владения понятийным аппаратом, связанным с сексуальностью и гендером. В основном используется формулировка «нетрадиционные сексуальные отношения», которая заменяет все виды сексуальной идентичности, кроме гетеросексуальной.

Если говорить конкретно о выводах из судебных решений, которые были сделаны авторами исследования, стоит обратить внимание на несколько аспектов судебного процесса и оснований для вынесения того или иного приговора.

Во-первых, это определение и признание судом сексуальной ориентации потерпевшего. Так, в российских судах это происходит тремя способами: (1) показания пострадавших, подсудимых, свидетелей о сексуальной ориентации жертвы признаются судом как факт, ложатся в основу дела и не оспариваются; (2) суд указывает на «аморальное поведение» потерпевшего; (3) судом собираются свидетельства о том, что жертва действительно относится к сексуальному меньшинству. Таким образом, несмотря на свою консервативность и нечувствительность к вопросам гендера и сексуальности, в отобранных делах суд, так или иначе, принимает достаточно активное участие при рассмотрении этих вопросов.

Во-вторых, это установление мотива преступления по отношению к жертве негетеросексуальной ориентации. Предрассудки по отношению к ЛГБТ в качестве

⁶ К примеру, это судебные решения, связанные с цензурой, затрудненным доступом ЛГБТ к социальным институтам, уже упомянутыми «гомосоциальными конфликтами», домашним насилием в однополых семьях, ответным насилием со стороны ЛГБТ.

мотива признаются судом двумя путями. Первый — признание судом «личной неприязни», либо «продолжительной личной неприязни» со стороны подсудимого по отношению к потерпевшему. Возникает неприязнь, соответственно, когда будущий преступник узнает о сексуальной ориентации жертвы. Эта формулировка наиболее широко используется российскими судами в случаях правонарушений, связанных с предрассудками в отношении ЛГБТ. При этом формально «личная неприязнь» не является указанием на мотив ненависти и в принципе не имеет «особенных» последствий для подсудимого. К тому же, указание на «личную неприязнь» удобна для судей и с процессуальной точки зрения, т. к. «заполняет пробелы в доказательной базе, но при этом не отнимает время на расследование» (С. 61); поэтому суды, например, могут игнорировать понятие «социальной группы», используя его неоднозначность в российском праве [см. например: Кондаков, 2017].

Второй путь — непосредственное указание на мотив ненависти на основании сексуальной ориентации жертвы. В этих случаях судьи напрямую отмечают ненависть к социальной группе, к которой относится потерпевший. Судебных решений с использованием подобных формулировок, к сожалению, меньшинство. Более того, даже прямое указание на ненависть к социальной группе в качестве мотива не всегда ведет к более серьезным юридическим последствиям для подсудимого.

Здесь стоит отметить следующее. Так как далеко не во всех судебных решениях ненависть к ЛГБТ как социальной группе признается мотивом преступления, то «консервативная стратегия» А. Кондакова и коллег, подразумевающая согласие с мнением судей, не так уж и консервативна. Обладая долей исследовательской интерпретации, она в большинстве случаев формально не соответствует официальным документам решений, где, например, говорится лишь о личной неприязни. Понятно, однако, что большинство преступлений (если не все) на почве личной неприязни можно отнести к преступлениям ненависти из-за нечувствительности судей к вопросам сексуальности и из-за процессуальных аспектов, препятствующих включению судьями того или иного преступления в категорию преступлений на почве ненависти.

В контексте назначаемых наказаний подсудимым, совершившим преступные деяния в отношении ЛГБТ, можно сказать следующее. Формально судьи редко признают мотив ненависти какотягчающее обстоятельство, а потому и мера наказания не увеличивается. Однако если говорить о приговорах по статье «Убийство», то в сравнении с «гомосоциальными конфликтами», где средний срок наказания равен 9,34 года, средний срок за преступление ненависти несколько больше — 10,45 лет (С. 12). Здесь стоит обратить внимание на то, что подобная разница может обуславливаться не только «неформальным» принятием во внимание мотива ненависти в качестве отягчающего обстоятельства, но и тем, что преступления ненависти сами по себе более жестоки, а потому и обвиняемые в них наказываются строже.

***

Рецензируемый отчет, помимо прочего, посвящен анализу влияния принятия уже упомянутых поправок в федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (2013) на уровень насилия по отно-

шению к ЛГБТ. Несмотря на то, что прошло 5 лет с момента его введения в силу, обсуждение данного законодательного акта до сих пор остается актуальным и с исследовательской, и с политической точек зрения. Так, А. Кондаков и коллеги показывают, что количество преступлений на почве ненависти к ЛГБТ с момента принятия указанных поправок возросло. В таких условиях особенно важно говорить о проблемах, с которыми сталкиваются представители ЛГБТ-сообщества, — причем, не только в форме публичного обсуждения или гражданского активизма, но и со страниц научных изданий. Последних, к сожалению, в России довольно мало, что делает рассматриваемую здесь работу ещё более важной и весомой.

Несмотря на то, что исследование, безусловно, не отражает всего спектра насилия против ЛГБТ, работа фиксирует минимальный уровень ненавистнических преступлений в соответствии с судебными решениями, что тоже немаловажно. Она вносит значительный научный вклад как с точки зрения самих результатов исследования (подсчет и классификация преступлений на почве ненависти), так и с точки зрения разработанной методологии подсчёта подобных преступлений. Исследование ценно и социальной значимостью: так, на наш взгляд, и должны работать социальные науки. А. Кондаков и его коллеги успешно соединили научные наработки и практически направленные действия для мониторинга преступлений против представителей ЛГБТ в России, что позволяет отнести исследование к social action research paradigm [см. например: Ward, Fleming, 2004].

Список литературы (References)

Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 249—258.
Kondakov A. (2012) A Human Being and a Citizen: Sexuality as Machinery for Citizenship Construction in Russia. Neprikosnovenniy zapas. No. 5. P. 249—258. (In Russ.).

Кондаков А. Являются ли ЛГБТ социальной группой? Социологические критерии понятия для судебных интерпретаций // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 131—144. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-6-131-144.

Kondakov A. Is the LGBT Community a “Social Group”? Sociological Criteria for Understanding Court Interpretations. Sravnitelnoye konstitutsionnoye obozreniye. No. 6. P. 131—144. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-6-131-144. (In Russ.).

Сэдджвик И. К. Эпистемология чулана. М.: Идея-пресс, 2002.

Sedgwick E. K. (2002) Epistemology of the Closet. Moscow: Idea-Press. (In Russ.).

Шторн Е. М. Убийства негетеросексуалов на почве ненависти (анализ материалов судебных решений) // Социология власти. 2018. Т. 30. № 1. С. 60—78. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-1-60-78.

Shtorn E. M. (2018) Murders of Non-heterosexuals as a Hate Crime (Based on Court Decisions). Sociology of Power. Vol. 30. No. 1. P. 60—78. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-1-60-78. (In Russ.).

Jung P. B., Smith R. F. Heterosexism: An Ethical Challenge. N.Y.: SUNY Press, 1993.

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*. Vol. 23. No. 2. P. 151—174. — DOI: 10.1177/0964663913505315.

Ward D. M., Fleming J. (2004) Methodology and Practical Application of the Social Action Research Model. Maggs-Rapport F. (ed.) *New Qualalitive Methodologies in Health and Social Care: Putting Ideas into Practice*. London: Routledge. P. 162—178. DOI: 10.4324/9780203408643_chapter_9.